

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ (СТАНОВЛЕНИЕ ОБРАЗА «ЧЕЛОВЕКА БОРЮЩЕГОСЯ»)

Д. В. Иванов

В статье на примере историко-психологических памятников показано значение такого феномена, как борьба (борение), лежащего в истоках формирования российской ментальности, становления «человека борющегося» и оказывающего влияние на философские проблемы образования.

Современная параметрическая концепция [17], как одна из базовых для философии образования, включая такие составляющие (параметры), как вхождение индивида в мир, постижение смыслов бытия, обретение им собственного образа, пробуждение духовности в целях скорейшего становления смыслозадающего вектора функционирования российского образования – идеала человека, нуждается в осмыслении своих базальных первопричин. Одной из таковых является ментальность человека, позволяющая определять требуемые черты идеала и тем самым оказывающая влияние на систему и функции образования.

Ментальность – эволюционно и исторически сложившаяся структура, которая предполагает наличие целостного взгляда на мир и на место человека в нем и этим определяет мироощущение, характер мировоззрения его носителя. Фактически ментальность формирует строй мыслей, чувств, поведение и вырабатывает системы ценностей и норм у индивида или социальной группы. Ментальность не сводится только к логическим конструкциям, а органично включает и этнические, и культурные, и образно-эмоциональные компоненты [6, с. 325]. Рассмотрение истоков становления ментальности позволяет целостно представлять образ человека, его психические возможности, обращать внимание исследователей на проблему формирования сознания, определяющую субъектность психического отражения. Фундаментальным основанием в многообразных проявлениях психики здесь будет являться то, что отражение человеком окружающего мира осуществляется с той специфической, обусловленной особенностями его жизнедеятельности позиции, которую он в этом мире занимает [7, с. 181].

Мы понимаем под ментальностью такие психологические модели, которые помогают формировать идеал, образ человека, способного к достижению «человеческого» в себе. Качественными характеристиками таких моделей является самоборение, свободомыслие, долготерпимость, самопожертвование, т. е. все то, что составляет русский национальный характер, рождающий «человека борющегося». Поскольку путь формирования ментальности продолжителен, то и стимулирующие ее механизмы достаточно разнообразны, но их объединяет то, что они имеют непреходящую ценность для этноса. К такой ценности относится и феномен борьбы. Рассуждая на тему ментальности, различные исследователи неоднократно подчеркивали значение этого феномена как способствующего пониманию человеческого бытия в целом, а также настаивали на применении способов, средств, приемов борьбы для решения таких задач, которые по своей сути связаны с образом человека, его местом в мире и обществе, индивидуальной позицией, потенциалом развития и самосовершенствования, пробуждением духовности [10, 11]. Нам представляется важным, что уже само понятие «борьба» предполагает достаточно широкий контекст и напрямую зависит от потенциальных возможностей человека. Мы выделяем как телесный в понимании взаимодействия разнообразных объектов, субъектов, явлений, так и духовный в плане взаимодействия структур сознания аспекты, в которых описывается данный феномен в отечественных источниках, литературных памятниках [10, с. 11].

Так, мы заметили, что духовные и телесные аспекты борьбы находят свое отражение уже в культуре Древней Руси, где личность обретает целостный взгляд на все происходящее в постоянной борьбе с собой и окружающим миром. Определялась же личность как форма насущного поведения человека, складывающаяся из взаимоотношений Духа (сущности) и Соби (особи, особа). Последняя имела три ядра сознания, которые представляли собой сложные и многомерные конструкции: Живот (нижнее, медное царство), Сердце (среднее, серебряное царство), Безмолвная София (верхнее, золотое царство). Все эти субстанции соотносились друг с другом и выступали центрами разных пространств сознания, трехчленное деление которого позволяло рассматривать сложный внутренний мир человека, говорить о его мировоззрении. Очищение «царств» давало возможность «изливаться» незамутненному Духу в мир, приближаясь к Божественной Сущности человека, что обычно происходило в играх. Древние русичи считали игру средством достижения свободы Духа в человеческой телесности [2, с. 32]. Данностью такой игры часто была борьба, решающая задачу выявления Божественной Сущности человека, направляющая развитие и определяющая его жизненную позицию, т. е. фактически создающая его образ и формирующая ментальность.

Символическую представленность борьбы мы находим и в русских обрядах, сказках, поверьях, многие из которых основаны на фундаментальной мысли о конечном истреблении зла, когда «всякое неблагоприятное явление природы наводит на человека страх и кажется враждебной и чуждой ему силой», а основной чертой является противоборство благотворных стихий с враждебной разрушительной силой и спасение природы от «всеуничтожающего и мертвящего зла мрака и холода, а иногда и наоборот – иссушительного зноя», т. е. всего того, что наблюдалось, осмысливалось и вербализовалось [11, с. 12]. Борьба присутствует как основное действие в обрядово-праздничной культуре у славянских народов и особенно значима в ритуальных проводках так называемых посланников в божественный космос. Функциональное значение таких ритуалов заключалось в имитативной магии. Истоки же ритуальной, имитативной борьбы лежат в поединках, один на один и в групповых, которые решали участь борющихся «не на жизнь, на смерть»: победители оставались на земле, побежденные же отправлялись к праотцам [5, с. 93]. Можно сказать, что сохранились рудименты борьбы в обрядовых действиях наших современников, что указывает на ретрансляцию подобного опыта, нашего отражение в социальной психике. Элементы ритуальных состязаний прослеживаются в настоящее время в «масленичных» кулачных боях, «взятии снежного городка», детских подражательных играх [16], где обнаруживается архаический слой «магической» борьбы. Также определена значимость ее воздействия на календарный обрядовый комплекс как в проявлении отдельных, так и в основных элементах структуры славянских обрядовых циклов: в святочном-новогоднем, масленичном, летнем, жатвенном, осеннем [5, с. 203]. В данных календарных праздниках присутствует борьба в том или ином виде состязаний, выступает как приобщение к сонму святых предков, поддерживает нормальное течение жизни. В целом же формируются образ героя, сами ценности, которые составляют смысл жизни славян. Иными словами, находят свое отражение все параметры образования (вхождение индивида в мир, постижение смыслов бытия, обретение им собственного образа, пробуждение и становление духовности), воспитывается человек-борец – «берсек», «храбр».

Элементы берсечества и храбрости встречаются в былинах (от «быль», «былое») о русских богатырях [9, 14, 20]. В них борьба – это единственный, требуемый и возможный «путь» героя, смысл его существования [11, с. 16]. Природа героя-спасителя прослеживается в руководящем его поступками нравственном чувстве справедливости и богатырском долге защитника народа. Это идеальное начало, как подчеркивается, ничем не мотивировано и является неизменным свойством богатыря [22, с. 66]. Последний – это архетип (от греч. «первообраз») человека-борца с врожденными, генетическими, устой-

чивыми качествами, среди которых физическая мощь и сила, осознание нравственных ценностей (духовность, справедливость, гуманизм, любовь к Родине, чувство долга) и, что особенно характерно для формирования ментальности русских, самоборение, свободолюбие, долготерпимость, самопожертвование.

Пониманию ценности борьбы в становлении ментальности у русского человека способствуют целые циклы сказаний и былин о так называемых змеборцах. Здесь существует устойчивая традиция описания борьбы в мифологии славян, связанная с темой «змея» и «змеборца», доказывающая важность таких произведений для простонародной духовной культуры [1, с. 9]. Возникающие в этих былинах коллизии разрешаются посредством противоборства воина, наделенного гиперболическими свойствами, и его антагониста, в качестве которого выступает зооантропоморфное существо. Также подчеркивается неизбежность борьбы во встрече героя-змеборца со своим противником [13, с. 161]. Модель такой оппозиции прослеживается во многих героических преданиях, что говорит о необходимости самоопределения человека в контексте существования двух начал – деструктивного и созидательного, тесно взаимосвязанных друг с другом в борьбе [10, с. 19]. Фактически речь идет о понимании норм духовности и проявлении человеческого образа, результате восхождения человека к себе. Былина «социализирует» борьбу, дает ей вербальное, культово-обрядовое обрамление и воспитывает («образовывает») каждое молодое поколение с учетом особенностей «героического стиля» жизни.

Важное значение имеют эти былины и в становлении образа человека, когда происходит постепенное осознание передающим (рассказчиком – фактически наставником, идейным творцом мировоззрения у слушающих) и воспринимающим (т. е. тем, у кого формируют строй мыслей, чувств, поведения) их взаимосвязи как носителей единых ментальных взглядов [11, с. 18].

Борьба в былинах, как и в реальной жизни, позволяет активизировать потенциальные возможности человека в противопоставлении себя другому лицу, самому себе и неожиданным препятствиям, ситуациям. Внутреннее борение былинного героя – необходимое условие созидания целостного образа русского человека, формирование «человеческого» поведения, обозначение основных контуров системы ценностей и норм, социализирующих его в группе, обществе, мире. Мы заметили, анализируя образы былинных героев, что они позволяют определить важное место борьбы в сознании индивида, ее значимость для восхождения русского человека к личностно-ценным представлениям о мире и своем месте в нем.

Рассматривая истоки становления нашей ментальности, отметим, что существует ряд исторических документов, оказавших влияние на умонастрое-

ние, установки и образ человека. Так, одним из первых историко-психологических, литературных памятников древнерусского государства XI в., где находит свое распространение феномен борьбы, является «Поучение Владимира Мономаха», сохранившееся в одном списке, в виде вставки в текст Лаврентьевской летописи под 1096 г. [18, с. 51]. Данный памятник состоит (предположительно) из двух частей (одна из них – наставление детям, вторая – послание Олегу Черниговскому), в которых прослеживается рефлексия, направленная на понимание образа человека-христианина, духовного борца. Выделяются несколько предметов для размышления, а именно: отношение к Богу, взаимоотношения власти и народа, осознание человеком самого себя. Сам Владимир Мономах подчеркивает замеченную им ценность противоборства: «...яко мнози борющися со мной...». В его размышлениях складывается образ сильного человека, мужественного, терпеливого, достойного правителя, способного бороться за идейно-нравственное развитие гражданского мировоззрения и переживающего сложности внутриличностной борьбы: «Много борешься, душа, с сердцем и одолевашь сердце мое... как бы не предстать перед страшным судьбою, не покаявшись и не помирившись между собою» [12, с. 68]; «много борешься сердцем» [4, с. 470]. Внутриличностная борьба, в ее духовном аспекте, понимается здесь как соперничество чувства и разума и обозначает потребности, которые составляют сквозные измерения ментальности. В общем же для Владимира Мономаха борьба есть духовная ценность жизни человека.

Интересным для осмысления феномена борьбы в контексте формирования ментальности представляется послание к Владимиру Мономаху митрополита Никифора [8, с. 83], в котором встречаются рассуждения о человеке и его «добродетелях». Последний также обращает внимание на борьбу «разумного» начала с невоздержанностью страстей («...противясь плоть духови и дух плоти»), поднимая тем самым проблему, являющуюся важной для понимания сущности человека. Мы можем декларировать эту проблему и как имеющую отношение к реализации духовных, т. е. ментальных потребностей человека. В психологической рефлексии автора появляется такое понятие, как «аскет», что в переводе с греческого означает «борец», способный разумно управлять собой, подавляя стихийное («яростное») начало, лишая себя плотских наслаждений, освобождать свое разумное («словесное») начало, обнаруживать волю, целенаправленность действий («желанное»), что в итоге и является возможностью для восхождения его к духовности, постижению себя. Здесь «яростное», «словесное», «желанное» – определенные элементы души, а механизмом, способствующим приведению их в некое соподчиненное состояние, является борьба человека со своими страстями. Писавший к Мономаху Никифор как раз и понимает борьбу как неотъемлемую часть самосовершенствования чело-

века. Мы должны признать, что такой механизм формирования «человеческого» был прогрессивным для философской, духовно-религиозной рефлексии и образовательной стратегии этого времени. Такие письма, послания не просто умозаключения образованных и облеченных властью людей, а широко распространявшиеся идеи, сама идеология созидания и образования требуемого для общества человека.

Еще в одном представляющем интерес историческом памятнике – «Повести временных лет», составленной около 1113 г. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором [12, с. 24–58], – присутствует некий общий идеогенез борьбы как феномена существования русского человека. Последний показан в мирах борьбы, которые дают ему возможность самому быть творцом различных ее форм и вариантов.

Исследования русской культуры дают основания полагать, что видоизмененная борьба – война, а также и сам воинский («храборский») быт имели большое значение в мировосприятии и жизнедеятельности русского человека. Мы уверены, что эти явления есть основа размышлений о борьбе и в других русских (российских) источниках и памятниках [11].

Широкое распространение на Руси имел сборник сентенций «Пчела», переведенный с одноименного греческого оригинала «Мелисса» (XIII в.). Данный сборник содержал выдержки из Священного Писания и сочинений «отцов церкви», а также высказывания античных философов и поэтов. «Пчела» была самым «значительным» проводником идей античных авторов [15], влияла на идеогенез представлений о борьбе. Этот историко-психологический памятник делится на главы – «слова», многие из которых имеют непосредственное отношение к психологии и проблемам образования, поскольку сам этот сборник своей популярностью и распространенностью на Руси влиял на мировоззрение человека. Основные темы, которые здесь приводятся, – это вопросы о сущности души, ее бессмертии. Так, в понятие «душа» включается представление о непрестанной борьбе в человеке двух начал – духовного и телесного. Подавляя потребности тела, достигая «телесного убожества», человек возвеличивает, «обогащает» свою душу («телесное убожество богатство души есть»), и наоборот: «богатство тела» ведет к «убожеству души» («телу богату сущу, душе убожаеть») [19, с. 14]. Проблема телесного и духовного здесь решается в пользу последнего. Средством разрешения является постоянная борьба (борение) человека со своей телесной природой. Во имя того, что «душа лучше тела есть», авторы призывают душу иметь «яко воеводу», а тело – «якоже воину» и заботиться о том, чтобы «воин» был подчинен «воеводе» (тело находилось в управлении сознанием). Можно более детально проследить представленную в «Пчеле» проблему борьбы, обратившись к сентенциям о мудрости, уме. Когда речь заходит

о разуме и страстях, то первое (разум) – это светлое, а второе (страсти) – темное начала в человеке, и между ними идет постоянная борьба. В самой сущности страсти лежит уже то, что она «омрачает» ум. Задача человека – охранять свой ум от порабощения его страстью («храняти свои ум неработен всякой страсти»), гнать от себя мысль о том, что может увлечь на путь страстного поведения [19, с. 18]. Однако разум не уничтожит все страсти, но может их победить. В «Пчеле» сказано, что «тверже тот, кто побеждает желания, а не воин» [3, с. 189]. Для этого необходимо постигать мудрость, развивать свой ум. «Побеждать в сражениях и неразумным часто доводится, умом же и мудростью одолеть могут лишь те, кто умеет хорошо мыслить» [21, с. 104]. Мудрость выступает как средство (механизм) внутренней борьбы, способствующее успеху внешних действий.

Феномен борьбы (борения) в данном историко-психологическом памятнике можно рассматривать в его праксиологической необходимости для актуализации параметров образования человека. Закрепляющиеся в сознании русского человека функции борьбы, а именно: внутриличностная, отражающая духовные возможности индивида (герои былин, храборы); социализирующая, формирующая у него понятие об общности группового и индивидуального сознания (историко-психологические памятники, литература); социоэмоциональная, помогающая ему сохранять социально-личностный статус (ритуалы, игры, обряды) [11, с. 62], – влияют на формирование жизненной позиции, которую он занимает, – позиции борца.

В свое время при анализе древнерусской афористической литературы [15], с учетом воззрений на душевный мир, сам образ человека, были выделены определенные положения. Так, сказано, что человек «самовластен», его «деяния» определяют положительную или отрицательную оценку личности; самым ценным признается ум («разум», «смысл»), который следует развивать с осторожным использованием «наказания», силы слова, которая может быть и полезна, и вредна; основа жизни есть труд; важным является развитие умения владеть собою, быть искренним, помогать нуждающимся. Мы же, в свою очередь, должны заметить, что благодаря борьбе, о которой идет речь в древнерусских историко-психологических памятниках и литературе, формируются различные психологические модели ментальности и проявляются их качественные характеристики: свободомыслие, долготерпимость, самопожертвование, самоборение, создающие образ «человека борющегося».

В настоящее время в российской ментальности продолжают существовать представления о борьбе (борении) и успешности человека (а именно, «человека борющегося») в жизни посредством таковой, ее необходимости. Позиция борющегося человека – это ориентация его на преодоление препятствий,

стоящих на пути к самосовершенствованию и реализации своего «я», идеалу, духовному развитию. Такое стремление является и способом его самопознания и познания других.

В современной российской образовательной политике необходимо учитывать духовный опыт, имевший место в философской рефлексии, культурной практике предыдущих поколений, отразившийся в психолого-педагогической мысли и позволяющий реконструировать и конструировать образ человека (образ «человека борющегося»).

Представления о «человеке борющемся» могут быть признаны актуальными при решении задач, связанных с определением смыслов образования, лежащих, в том числе, в основе ментальности и не противоречащих ей, особенно когда ценность борьбы заменяется необходимостью постоянных уступок и непротравления, когда психологические модели «не работают», а подменяются культурологическими эрзацами западного образца. Качественные характеристики ментальности: самоборение, свободомыслие, долготерпимость, самопожертвование – могут дополняться в общем цивилизационном обмене ценностями, но при этом не видоизменяться до неузнаваемости и потери российским человеком своей идентичности.

Знание истоков в становлении образа «человека борющегося» помогает изучать также трансперсональные способности индивида, формировать социальную пластичность и восприимчивость к смыслам образования и преобразованию человеком себя. На уровне технологий разрабатываются приемы, средства «погружения» формирующегося человека в окружающее его социокультурное пространство, обретения им собственного образа и идентификации с идеалом (героем, борцом), осознания смысла своего бытия и становления духовности как восхождения к своей всеобщей природе (Г. Гегель). Тем не менее идея формирования российской ментальности по-прежнему нуждается в осмыслении современной философией образования в ее обращенности в будущее.

Литература

1. Алексеева А. М. Полярные сияния в мифологии славян: Тема змея и змееборца. – М.: Радуга, 2001. – 456 с.
2. Андреев А. Игра и личность в традиционной русской культуре // Русский стиль. – 1994. – № 2. – С. 30–32.
3. Антология педагогической мысли Древней Руси и русского государства XIV–XVII вв. / Сост. С. Д. Бабишин, Б. Н. Митюрков. – М.: Педагогика, 1985. – 336 с., ил.
4. Библиотека литературы Древней Руси. XI–XII вв. / Под ред. Д. С. Лихачева и др. – СПб.: Наука, 2004. – Т. 1. – 544 с.

5. Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. – М.: Наука, 1978. – 240 с., рис.
6. Волков Ю. Г., Поликарпов В. С. Человек. – М.: Гардарики, 1999. – 520 с.
7. Вяткин Б. А. Избр. психол. исследования индивидуальности: теория, эксперимент, практика. – Пермь: Книжный мир, 2005. – 392 с.
8. Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X–XVIII веков: Учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 228 с.
9. Добрыня Никитич и Алеша Попович / Отв. ред. Э. В. Померанцева. – М.: Наука, 1974. – 448 с., рис. – (Литературные памятники).
10. Иванов Д. В. Феномен борьбы в социальной антропологии и психологии личности: историко-психологический и философско-культурологический аспекты. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – 64 с.
11. Иванов Д. В. «Человек борющийся» в неклассической российской психологии (конец XIX – начало XX вв.) – Иркутск: Изд-во ИрГСХА, 2005. – 252 с.
12. Изборник: Повести Древней Руси // Сост. и прим. Л. Дмитриева и Н. Поньрко; вст. ст. Д. Лихачева. – М.: Худож. лит., 1986. – 447 с.
13. Криничная Н. А. Персонажи преданий: становление и эволюция образа / Отв. ред. А. К. Микушев. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1988. – 192 с.
14. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года с двумя портретами онежских рапсодов и напевами былин. – СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1873. – 1336 стб.
15. Перетц В. П. Сведения об античном мире в Древней Руси. XI–XIV вв. // Гермес, – 1918. – Т. 23. – С. 185.
16. Русские / Отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власов, Н. С. Полищук. – М.: Наука, 2005. – 828 с.
17. Рыбаков Н. С. Философия образования // Глобалистика / Гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М.: Радуга, 2003. – С. 1099–1103.
18. Сахаров А. М., Муравьев А. В. Очерки русской культуры IX–XVII вв. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин. просвещения РСФСР, 1962. – 348 с.
19. Соколов М. В. Психологические воззрения в Древней Руси // Очерки по истории русской психологии: Сб. тр. / Под ред. М. В. Соколова. – М.: МГУ, 1957. – С. 3–101.
20. Халанский М. Г. Великорусские былины Киевского цикла // Русский филологический вестник / Под ред. А. И. Смирнова. – Т. XII. Год 6-й. – Варшава: В тип. М. Земкевича, 1884. – С. 136–159.
21. Школа и педагогика в культуре Древней Руси. Ч. 1. Историческая хрестоматия / Сост. О. Е. Кошелева, Л. В. Мошкова. – М.: Изд-во Рус. откр. ун-та, 1992. – 208 с.
22. Юдин Ю. И. Героические былины (поэтическое искусство). – М.: Наука, 1975. – 120 с.